

НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ

Ксения Гаделия

Ксения Гаделия

Не оборачивайся

«Автор»

2026

Гаделия К.

Не оборачивайся / К. Гаделия — «Автор», 2026

Алекс живёт в загородном доме, играет на пианино и каждое утро пьёт чай с женой Мари. Их жизнь течёт размеренно, как снегопад за окном. Однажды он видит чьи-то следы на снегу, Алекс пытается не замечать странностей, потому что боится разрушить ту реальность, в которой Мари ещё с ним. Но шаги за спиной становятся громче, и он понимает: ему придётся сделать выбор — обернуться и увидеть правду или навсегда остаться в доме, где живут призраки его собственной памяти.

© Гаделия К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ксения Гаделия

Не оборачивайся

Глава 1

Снегопад

Его разбудил свет.

Свет был бледным, почти прозрачным, какой бывает только зимним утром, когда солнце едва поднимается над горизонтом и не имеет силы согреть. Он лежал неподвижно, не открывая глаз, прислушивался. Дом дышал — тихо, размеренно, потрескивая старыми балками, как человек, который ворочается во сне. Он знал каждый звук этого дома, как знал собственное дыхание, и всё равно каждое утро прислушивался, проверяя: на месте ли стены, на месте ли пол, на месте ли тишина.

Тишина была на месте. Но она была другой.

Он не мог бы объяснить, чем именно. Может быть, плотностью. Может быть, тем, как она давила на уши, на виски, на грудь. Как будто воздух в комнате загустел за ночь и теперь не хотел расступаться перед его движениями.

Он приподнялся на локте. Провёл ладонью по лицу — кожа была сухой, шершавой. Свет падал на подушку рядом с ним. Ткань была ровной, прохладной, нетронутой.

Мари уже встала.

Он знал это, потому что из кухни доносился звон — тонкий, аккуратный, звук ложечки о край чашки. Этот звук он слышал каждое утро. Он был частью расписания, как восход солнца. Он мог бы сверять по нему часы.

Он сел на кровати, свесил ноги на пол. Деревянный пол был ледяным, и холод мгновенно пронзил кожу, поднялся по икрам, добрался до колен. Он не стал искать тапки. Тапки должны были стоять у кровати, слева, как всегда, но сегодня их там не было. Он не помнил, куда их поставил. Он перестал запоминать расположение вещей. Это началось не сразу — сначала исчезали мелочи: ключи, зажигалка, карандаш. Потом — тапки, книги, чашки. Потом — целые часы. Целые утра, которых он не помнил.

Он встал, нашёл халат на спинке стула. Ткань была старой, потёртой на локтях, и пахла пылью — не деревом, не камином, как раньше, а пылью, той особой, сладковатой пылью, которая скапливается в комнатах, где долго никто не открывает окна. Он накинул халат и вышел в коридор.

Третья половица скрипнула. Она скрипела всегда, но сегодня звук показался ему громче, чем обычно, как будто дом хотел обратить его внимание на что-то. Он остановился. Послушал. Из кухни снова донёсся звон — ложечка о чашку, два раза, три. Ритм был одинаковым. Точно таким же, как вчера. И позавчера.

Он шёл по коридору и смотрел на стены. Обои отходили от углов — узкими полосками, как кожа после ожога. Он не помнил, когда они начали отходить. Может быть, осенью. Может быть, раньше. Он собирался подклеить их, но не собрался. Или собрался, но не сделал. Или сделал, но обои отклеились снова. Он не был уверен. В последнее время он всё чаще ловил себя на том, что не уверен. Не в мире — в себе. В своей способности отличить то, что было, от того, что ему показалось.

На кухне горел свет.

Он вошёл — и остановился в дверях. Мари сидела за столом, спиной к нему, у окна. Она была в своём сером свитере с высоким горлом, рукава закрывали ладони. Волосы были

собраны в пучок, и несколько прядей лежали на шее. Перед ней стояла чашка. Пар поднимался от неё ровной ниткой, не рассеиваясь, не колеблясь.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила она, не оборачиваясь.

Голос был ровным, тёплым, знакомым. Тем самым голосом, который он помнил. Который он хранил. Который не давал себе забыть, как не дают забыть молитву — повторяя каждый день, по несколько раз, пока слова не станут частью тела, частью крови.

Он подошёл к столу. На нём стояла его чашка — белая, с синим ободком, с трещиной, которая тянулась от края ко дну. Чай уже был налит. Он не видел, как она его наливала. Он не помнил, чтобы она вставала из-за стола. Может быть, она налила чай, пока он шёл по коридору. Может быть, раньше. Может быть, чай был здесь всегда. Он взял чашку. Она была тёплой.

— Ты поздно, — сказала она. Она всё ещё не оборачивалась. Смотрела в окно, на снег.

— Не мог уснуть, — ответил он.

Это была неправда. Он не помнил, спал он или нет. Он помнил темноту, помнил, что лежал, помнил, что думал о чём-то важном, но о чём именно — не мог вспомнить. Может быть, он спал. Может быть, нет. Граница между сном и бодрствованием размылась, и он всё чаще просыпался с ощущением, что не ложился.

Он сел напротив неё. Она не двигалась. Её чашка стояла перед ней, полная, нетронутая. Пар поднимался и поднимался, и чашка не пустела.

— Ты не пьёшь? — спросил он.

— Пью, — ответила она. — Я уже пила.

Он посмотрел на её чашку. Чай был полным. До краёв. Но он кивнул. Может быть, он ошибся. Может быть, он просто не заметил, как она пила. Он часто не замечал. Он часто пропускал целые куски времени, как плёнку, из которой вырезали кадры.

Он сделал глоток. Чай был безвкусным — не горячим, не холодным, просто тёплым, как вода, которая слишком долго стояла.

Он посмотрел на неё. Она всё ещё сидела спиной к нему, хотя он был уверен, что она должна была повернуться. Нет, подождите — он сидел напротив неё. Значит, она сидела лицом к нему. Но он видел её профиль, линию шеи, выбившиеся пряди. Он видел её со спины. Или сбоку. Он моргнул. Она сидела лицом к нему, и её чашка стояла перед ней, и пар поднимался.

Она улыбнулась. Коротко, уголками губ, той улыбкой, которую он знал, которую он помнил, которую он воссоздавал в памяти каждый вечер перед сном, чтобы не потерять. Улыбка была точной. Слишком точной. Как фотография, которую рассматривают слишком долго и начинают замечать, что на ней нет глубины.

— Ты сегодня какой-то странный, — сказала она.

— Я всегда странный.

— Нет, — она покачала головой, и прядь упала ей на лицо, но она не убрала её. — Сегодня ты другой. Ты как будто не здесь, как будто чужой.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. Потому что она была права. Он не был здесь. Он был где-то между — между этим столом и чем-то другим, между этим утром и другим утром, которое он не мог вспомнить. Между тем, что было, и тем, что он хотел, чтобы было.

— Я хочу испечь пирог сегодня, — сказала она.

Он замер. Ложечка в его руке остановилась над чашкой.

— С яблоками? — спросил он.

— С яблоками.

Он положил ложечку на стол. Тихо, аккуратно. И посмотрел на неё. Она сидела неподвижно, и пар поднимался от её чашки, и снег за окном падал, и свет был бледным, и всё было точно так же, как вчера.

Потому что вчера она тоже сказала это. «Я хочу испечь пирог сегодня. С яблоками». И позавчера. И в тот день, который был до позавчерашнего. Каждый раз — одни и те же слова, в той же интонации, с тем же лёгким покачиванием головы.

Он не помнил, чтобы она испекла хотя бы один.

Не помнил запаха корицы. Не помнил тепла духовки. Не помнил, чтобы они сидели за столом и ели пирог, запивая чаем. Не помнил крошек на скатерти. Не помнил ничего, кроме этих слов: «Я хочу испечь пирог сегодня. С яблоками».

— Хорошо, — сказал он. — Я помогу.

— Не нужно, — ответила она. — Ты играй.

Он кивнул. Он всегда кивал. Он говорил «хорошо», он говорил «ладно», он говорил «я помогу», и она отвечала «не нужно», «играй», «я сама». И он уходил к пианино, и она оставалась на кухне, и между ними был коридор, и скрипучий пол, и запахи, которых не было.

Он встал. Поставил чашку в раковину. Проходя мимо неё, он остановился и протянул руку к её плечу. Он хотел коснуться её. Хотел почувствовать тепло свитера, хрупкость кости под тканью, биение пульса. Он хотел убедиться.

Его пальцы коснулись серой шерсти.

Она не вздрогнула. Не повернула головы. Не изменила позу. Она сидела так неподвижно, что ему на мгновение показалось: она не дышит. Он прислушался. В доме было тихо — потрескивание балок, шорох снега за окном, стук его собственного сердца. Но её дыхания он не слышал.

— Мари, — сказал он.

— М?

— Ты в порядке?

Она повернула голову. Медленно, плавно, как поворачивается голова статуи. Её глаза были ясными, спокойными, без тени страха или боли. В них была та мягкость, которую он любил. Но за этой мягкостью было что-то ещё. Что-то, на что он не хотел смотреть. Как дверь, которую он не хотел открывать, потому что знал: за ней нет комнаты.

— Я в порядке, Алекс, — сказала она. — А ты?

Он смотрел на неё. На её лицо, которое он знал наизусть — каждую линию, каждую родинку, каждый изгиб. Он знал это лицо лучше, чем своё собственное. И всё равно сейчас, в этом утреннем свете, оно казалось ему чужим. Собранным из воспоминаний, как портрет, который пишут по памяти, и чем дольше пишут, тем больше он похож на оригинал, но тем дальше от него уходит.

— Я тоже, — сказал он.

Он вышел из кухни.

В коридоре он остановился. Прислонился к стене. Обои отошли и прилипли к его щеке — сухие, шершавые, как мёртвая кожа. Он закрыл глаза.

Когда он открыл их, он стоял в гостиной. Он не помнил, как дошёл. Не помнил, как прошёл коридор, как открыл дверь. Он просто оказался здесь, перед пианино, как будто кто-то взял его и поставил на место.

Пианино стояло у окна, чёрное, массивное, покрытое тонким слоем пыли. Он провёл пальцем по крышке — на чёрном лаке осталась серая полоса. Он не протирал его давно. Он не помнил, когда протирал в последний раз. Может быть, Мари протирала. Может быть, нет. Может быть, пыль скапливалась неделями, месяцами, и никто не замечал, потому что в этом доме время шло не так, как в других домах. В этом доме время не шло вовсе.

Он открыл крышку. Клавиши были холодными. Он положил пальцы — они дрожали, легко, едва заметно, но дрожали. Он не знал, от холода или от чего-то другого.

Он начал играть.

Сонату, которую он репетировал. Минор. Медленный, тягучий. Мелодия была печальной, но не трагичной — скорее, задумчивой, как человек, который смотрит в окно и пытается вспомнить что-то важное, но не может. Он играл, и звуки заполняли комнату, отскакивали от стен, от потолка, от закрытой двери коридора. Они были единственными живыми звуками в этом доме.

Он играл и думал о том, что музыка — это единственное, что он может делать по-настоящему. Не говорить — слова получались пустыми. Не смотреть — глаза видели не то, что было, а то, что должно было быть. Не помнить — память стала ненадёжной, как мост, который вот-вот рухнет. Но играть — играть он мог. Пальцы сами знали, что делать. Звук не лгал. Минор был минором, пауза была паузой, и между ними не было ничего, кроме тишины — честной, пустой, настоящей.

Он не заметил, как перестал играть. Просто в какой-то момент пальцы замерли на клавишах, и он понял, что больше не слышит звуков. Он слышал только тишину. И в этой тишине — шаги.

Из коридора. Лёгкие, знакомые, всегда одинаковые.

Он не повернулся. Он ждал.

Она появилась в его поле зрения постепенно, как появляется изображение на проявляемой фотографии. Сначала — край свитера, потом — рука, потом — лицо. Она стояла в дверях, прислонившись к косяку. В руках она держала книгу. Бордовый переплёт, стёртое золотое тиснение.

— Ты играешь «Меланхолию», — сказала она.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я слышала. Ты играешь её каждый день.

Он хотел сказать, что это не совсем так. Он играл её три дня. Или пять. Или неделю. Он не был уверен. Дни слипались, как страницы мокрой книги, и он не мог их разъединить.

— Что ты видишь, когда смотришь на меня? — спросил он.

Вопрос вырвался раньше, чем он успел его остановить. Он не хотел его задавать. Он боялся ответа. Не потому что ответ мог быть страшным — а потому что ответа могло не быть вовсе. Потому что она могла посмотреть на него и не увидеть ничего. Потому что она могла посмотреть на него и увидеть не его.

Она не ответила. Она стояла и смотрела, и в её глазах была та мягкость, та теплота, та привычная пустота, которую он принимал за покой.

Он встал. Подошёл к ней. Взял её руки. Он сжал её ладони, пытаясь почувствовать кожу, тепло, пульс. Он сжал сильнее.

— Мари, — сказал он. — Ты меня слышишь?

— Конечно, — ответила она. — Я всегда тебя слышу.

Её губы двигались. Всё было как прежде. И всё равно он чувствовал, что держит в руках что-то невесомое, что-то, что может рассеяться, если он разожмёт пальцы.

— Что ты видела утром в окне? — спросил он. — Пока я спал.

— Снег, — сказала она. — Только снег.

— Ты смотрела не на снег.

Он не знал, откуда он это взял. Он не видел её у окна утром. Он проснулся, и её не было в кровати, и он пришёл на кухню, и она была там. Он не видел, как она смотрела в окно. Но он был уверен.

— Ты слишком много думаешь, Алекс, — сказала она. — Это тебя губит.

Она освободила руки — мягко, без усилия, как уходит вода сквозь пальцы — и ушла. Прошла в коридор, в спальню. Дверь закрылась с тихим шелчком.

Он стоял один. В гостиной. Перед пианино.

Пыль на крышке. Серая полоса от его пальца. Клавиши, которые уже остывали.

Он подошёл к окну.

Снег падал. Крупный, рыхлый, бесконечный. Сад был белым, нетронутым, как лист бумаги, на котором ещё ничего не написано. Нет — не нетронутым. От крыльца к калитке и обратно вели следы. Чёткие, свежие.

Он посмотрел на них. Чьи это следы? К ним давно никто не приезжал и до ближайшего дома не меньше километра. Он не слышал шум машины или чьи-то голоса...

Он посмотрел на свои ноги. Носки. Без тапок. Мокрые от снега, который растаял на деревянном полу. Мокрые следы вели от входной двери к гостиной. К пианино. К нему.

Он не помнил, чтобы выходил. Он проснулся, пошёл на кухню, сел за стол, пришёл сюда, сел за пианино. Он был в доме. Он был здесь всё время. Или не был?

Он стоял у окна и смотрел на следы. Он боялся узнать чьи это следы.

Лучше не думать. Он подошёл к пианино. Сел. Положил пальцы на клавиши и начал играть.

Глава 2

Следы

Он стоял у окна и смотрел на снег. Смотрел — хотя это слово уже начинало терять свой смысл. Он не знал, когда это началось. Не помнил, когда он перестал доверять своим глазам. Но сейчас, глядя на белое поле, которое тянулось от крыльца до самой калитки, он чувствовал, что видит не всё. Что-то ускользало. Как будто он смотрел через мутное стекло, которое кто-то забыл протереть.

В саду были следы. Они шли от калитки к дому. Чёткие, глубокие, женские — узкий след, маленький размер. Они доходили до самого крыльца, а потом обрывались.

— Ты сегодня рано встал, — раздался её голос за спиной.

Он не обернулся. Он смотрел на следы и считал их. Восемь шагов от калитки к дому. Должны быть следы обратно — она ведь уходила вчера вечером. Он видел, как она шла по дорожке, как махнула рукой.

— Ты выходила вчера? — спросил он, не поворачивая головы.

— Нет, — ответила она. — Зачем?

— А следы? Кто-то ходил по саду.

Она подошла к нему, встала рядом. Он чувствовал её дыхание — оно было лёгким, почти невесомым, как ветер из неплотно закрытого окна. Он смотрел на её отражение в стекле. Она стояла неподвижно, глядя вперёд, и её лицо ничего не выражало.

— Это твои следы, — сказала она спокойно. — Ты ходил вчера к калитке.

— Я не выходил.

— Выходил. Я видела.

Он повернулся к ней. Она смотрела на него с той же ровной улыбкой, которую он видел каждое утро. Его улыбка. Её улыбка. Он уже не мог отличить одно от другого.

— Я не выходил вчера, — повторил он. — Я сидел за пианино до вечера.

Она не ответила. Она просто смотрела на него, и в её глазах была пустота, которую он замечал уже несколько дней. Внутри неё было что-то, что он не мог прочесть. Как в книге на незнакомом языке, где он знал только буквы, но не понимал смысл написанного.

— Ты устал, — сказала она наконец. — Ты слишком много играешь. И слишком много думаешь.

Она развернулась и пошла на кухню. Он остался стоять у окна, глядя на следы. Они не исчезли. Они всё ещё были там — восемь глубоких отпечатков, которые кричали о том, что кто-то здесь был. Кто-то, но не он. Кто-то чужой...

Он вышел на крыльцо. Снег скрипел под ногами — свежий, утренний, нетронутый. Он спустился по ступеням и остановился у первого следа. Он смотрел на него, на чёткий отпечаток подошвы, на узкий каблук. Это были не его следы. У него был другой размер ноги. Другой вес. Другой шаг. Он присел на корточки и провёл пальцем по краю следа. Снег был плотным, спрессованным. След был свежий — кто-то был здесь сегодня утром, когда он ещё спал. И он вёл от калитки к дому.

— Мари! — крикнул он.

Она не ответила. Вокруг стояла тишина зимнего леса. Только ветер в ветках и где-то далеко — ворона. Он поднялся, отряхнул колени и пошёл по следам. Шаг за шагом. Он дошёл до калитки. Она была закрыта на щеколду, которую он поставил год назад. Мягкий снег укрывал ее, значит никто не трогал её сегодня.

Он посмотрел в сторону леса. За калиткой начиналась дорога, засыпанная снегом. Она уходила вдаль, терялась между деревьями, и там, за поворотом, начинался другой мир. Мир, в котором он не был уже год.

Алекс вернулся к дому. На крыльце он остановился и ещё раз посмотрел на следы. Они всё ещё были там. Восемь шагов, которые заканчивались у ступеней. И ни одного следа обратно.

Он вошёл в дом, закрыл за собой дверь. В коридоре было тихо — только скрип половиц под его ногами. Он прошёл на кухню. Она сидела за столом, держа в руках чашку, и смотрела на снег за окном.

— Чьи это следы? — спросил он.

Она медленно повернула голову и посмотрела на него. В её взгляде не было удивления. Не было страха. Только та же спокойная, ровная пустота.

— Твои, — сказала она.

— Я не выходил.

— Выходил, — сказала она. — Я слышала, как ты одевался.

Он стоял в дверях, смотрел на неё и чувствовал, как внутри него начинало подниматься странное чувство, нечто среднее между страхом, недоверием и гневом.

— Ты говоришь, что слышала, как я одевался, — сказал он. — Но я спал до восьми.

Она не ответила. Она подняла чашку и сделала глоток. Её руки были спокойными, ровными. В её жестах не было ни капли сомнения. Она была уверена в том, что говорила. И эта уверенность была страшнее, чем любая ложь.

— Я помню, — сказала она. — Ты встал, когда было ещё темно.

— Я не вставал.

Она поставила чашку на стол, и звук фарфора о дерево был резким, как выстрел. Она подняла на него глаза — и в них впервые мелькнула тень. Не страха. Не злости. Что-то другое. Что-то похожее на усталость.

— Ты не помнишь, — сказала она. — Ты ничего не помнишь.

— Что ты хочешь сказать?

Она молчала. Её взгляд был чужим и непроницаемым: он не мог прочесть ни мыслей, ни чувств. И всё же, за этой отстранённостью, он улавливал что-то ещё — то, чего не мог понять.

— Мари, — сказал он, садясь напротив неё. — Скажи мне. Я хочу знать.

Она покачала головой.

— Ты не готов.

— Готов к чему?

Она не ответила. Она взяла чашку, допила чай и встала из-за стола. Подошла к окну, встала к нему спиной. Он смотрел на её силуэт, на свет, который падал на её плечи, на её волосы, собранные в пучок. Она была красивой. Она всегда была красивой. Но сейчас в этой красоте было что-то, что заставляло его сердце биться быстрее. Что-то, что он боялся назвать.

— Мари, — сказал он. — Я не выходил вчера. Я не выходил сегодня. Я не выходил из дома уже неделю.

Она медленно повернулась к нему. Её лицо было спокойным, и на нём не было ни тени эмоций.

— А я, — сказала она, — не выходила из дома уже год.

Он замер. Слова повисли в воздухе, как снежинки, которые не могут упасть. Он смотрел на неё, и внутри него всё затихло. Даже сердце, казалось, остановилось на мгновение.

— Что ты сказала? — переспросил он.

Она не ответила. Она смотрела на него, и в её глазах была та же пустота, которую он видел каждое утро. Только сейчас он понял, что это не пустота. Это была боль. Такая глубокая, что она стёрла всё остальное.

— Алекс, — сказала она. — Ты помнишь, что случилось в ту ночь?

— Какую ночь?

— Ночь, когда я ушла.

Он хотел сказать, что помнит. Но он не помнил. Он не помнил ничего. Только холод, снег, свет в окне и звук музыки, которая играла, когда он перестал видеть.

— Ты ушла, — сказал он. — А потом вернулась.

Она покачала головой.

— Я не возвращалась, Алекс. Я никогда не уходила.

Он сидел за столом, чувствуя, как комната начинает плыть. Стены, окно, её лицо — всё это казалось нереальным, как сон, который он не мог проснуться. Он смотрел на неё, на её руки, лежащие на столе, на кольцо, которое он подарил ей много лет назад. Оно было на месте. Оно было настоящим.

— Ты говоришь, что никогда не уходила, — сказал он. — Но ты ушла. Ты ушла, и я остался здесь. Один.

— Ты не был один, — сказала она. — Ты был со мной. Ты всегда был со мной.

Он хотел закричать. Хотел спросить её, что это значит. Хотел разбить чашку, разбить окно, разбить эту тишину, которая давила на него всё сильнее. Но он не мог. Он просто сидел и смотрел на неё, и в голове крутились мысли: «Чьи следы, если я не выходил и Мари не выходила целый год. Почему она говорит, что видела как я выходил, я бы помнил, я бы чувствовал холод. Может кто-то приходил к ней, она врет... Почему я ничего не помню».

— Что происходит со мной? — спросил он, и в его голосе прозвучал страх.

Она встала, подошла к нему, провела рукой по его волосам. Её пальцы были холодными, и он почувствовал, как холод разливается по всему телу.

— С тобой происходит то же, что и со мной, — сказала она. — Мы ищем друг друга в мире, где нас нет.

Она вышла из кухни, оставив его одного. Он сидел за столом, глядя на пустую чашку, и думал о том, что она права. Он не помнил, когда выходил. Он не помнил, когда она уходила. Он не помнил, как она вернулась. Он не помнил ничего, кроме её лица, её голоса, её запаха.

Он подошёл к окну. Следы всё ещё были там. Восемь шагов. От калитки к дому. И ни одного обратно.

Он смотрел на них, и впервые за долгое время он почувствовал, что боится не того, что в доме есть кто-то ещё. Он боялся того, что в этом доме он может быть один. Он боялся одиночества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.